

Это искупление звали Бай Чжаньцзи. Хотя обычно он вёл себя крайне избалованно, лишённый семейного тепла Бай Чжаньцзи проявлял по отношению к этому внезапно обрётённому младшему брату поистине старшебратскую заботу. К тому же внешность Бай Ляньхуа никак не позволяла ему претендовать на наследство Клана Бай, и, поскольку не осталось никаких конфликтов интересов, Бай Чжаньцзи старался изо всех сил, при любой возможности уделяя ему время. Теперь же, унаследовав это тело, Жуань Мяньмянь, разумеется, не собирался бросать младшего брата на произвол судьбы.

Свеженанесённое лекарство подействовало на удивление хорошо, и по крайней мере онемение отступило настолько, что Жуань Мяньмянь мог самостоятельно передвигаться. Переодевшись в другой комнате, он в одиночестве направился во внутренний двор.

Едва поднявшись на второй этаж, он увидел, как из комнаты Бай Ляньхуа вылетает чайная чашка. Вода плеснула на пол, поднимая лёгкую дымку, и следом раздался глухой крик:

— Вы же говорили, что старший брат сейчас придёт ко мне! Почему прошло столько времени, а его всё нет?!

Последние несколько месяцев все мысли и чувства Бай Чжаньцзи были заняты Бай Яньланом, откуда у него было время заботиться о Бай Ляньхуа? Помимо того, что он приказал сиделкам присматривать за тем тщательнее, сам он не показывался здесь ни разу.

— Боль... Большой молодой господин действительно очень занят! Он просил нас хорошо о вас заботиться, съешьте хоть немного, иначе большой молодой господин расстроится, когда узнает!

Главное, они знали: если Бай Яньлан откажется есть, зарплату им никто не выплатит, а то и вовсе уволят.

Снова раздался звук бьющейся посуды — судя по всему, вдобавок полетел на пол и ужин.

— Расстроится? Больше нет... Даже старший брат бросил меня... Бросил...

Повторяя эти слова себе под нос, Бай Ляньхуа чувствовал, как в этом лишённом тепла так называемом доме становится всё холоднее и холоднее. До того как появился старший брат, на него вообще никто не смотрел — перед ним были лишь бесстрастные лица медицинского персонала, и он думал, что так пройдёт вся его жизнь.

Пока в тот день к нему не подошёл тот мрачный, но улыбавшийся на редкость тепло юноша и не сказал:

— Я твой старший брат, и сейчас я забираю тебя домой. Хочешь пойти со мной?

Он до смерти мечтал выбраться из той лишённой тепла и жизни комнаты. Оказывается, у него

тоже есть родные, и кто-то о нём заботится. В мире Бай Ляньхуа по-настоящему важным человеком был только Бай Чжаныцзи! Он был смыслом его жизни, единственным лучом света.

Но теперь прошло уже несколько месяцев, неужели даже старший брат счёл его аутистом и отказался от него?

— Убирайтесь, проваливайтесь! Я не хочу вас видеть!

Судя по низкому рычанию Бай Ляньхуа, в этом плане он всё-таки унаследовал крутой нрав Бай Сяо. Стоило ему заговорить, как сиделки тут же принялись спешно собирать вещи, готовые сбежать сломя голову.

— Кто это рассердил моего драгоценного братишку?

Жуань Мяньмянь вошёл в комнату как раз тогда, когда несколько сиделок на ходу спешно приветствовали его. Наконец-то он воочию увидел Бай Ляньхуа из своих воспоминаний: изнеженный, до невозможного красивый, с безупречно чистой, едва светящейся белой кожей лица — он совершенно не был похож на ребёнка, рождённого в Клане Бай. Быть может, именно эта внешность, столь непохожая на черты самого Бай Сяо, и лишала того желания сблизиться с сыном.

Резко обернувшись, Бай Ляньхуа действительно увидел того, о ком думал день и ночь и ради кого был готов бежать из Клана Бай на поиски. Нахлынувшие в грудь бурные эмоции заставили его распахнуть затуманенные влагой большие глаза: старший... старший брат действительно пришёл к нему!

Заметив, как изнеженное личико Бай Ляньхуа покрывается легким румянцем от сильного волнения, а спрятанное под рубашкой тело едва заметно подрагивает, сердце Жуань Мяньмяня мгновенно смягчилось. Стоило взглянуть в эти глаза, в которых смешались потрясение и безумная радость, как у любого дрогнуло бы сердце, если только он не из железа и камня. К тому же Жуань Мяньмянь по своей природе был совершенно бессилен перед такими милыми существами, и выражение его лица невольно смягчилось.

Ощувив трепет родственных уз, Жуань Мяньмянь поначалу даже не заметил промелькнувшего во взгляде Бай Ляньхуа свирепого огонька.

Он уже собирался что-то сказать, как вдруг по воздуху полоснула белая вспышка и стремительно полетела прямо на него. Вселившаяся в него душа Мастера обошления автоматически обострила рефлексы, и он по привычке лишь чуть качнулся в сторону — с звонким треском о пол снова разбилась чашка.

— Ты же обещал навещать меня чаще! Лжец!

Глаза Бай Ляньхуа, плававшие, как ночное небо в черном бархате, смотрели так остро, будто намеревались пронзить душу Жуань Мяньмяня насквозь, источая горькую обиду.

— Прости, Сяо-Хуа, брат в последнее время был слишком занят. Я не приходил — это исключительно моя вина.

Мгновенное раздражение испарилось, стоило ему увидеть обиженный вид младшего брата. Жуань Мяньмянь и впрямь почти искренне начал относиться к мальчику как к родному брату, ласково успокаивая его. Интеллект Бай Ляньхуа ничуть не пострадал и даже превосходил показатели обычных сверстников, а аутизм, считавшийся его единственным недугом, в целом был вылечен — иначе его бы просто не выписали из больницы. Можно сказать, что нынешний второй молодой господин ничем особо не отличался от обычных людей, за исключением всё той же замкнутости и почти маниакальной одержимости Бай Чжаныцзи.

Увидев, что Жуань Мяньмянь пошел на попятную, свирепый взгляд парня наполовину смягчился, однако он всё равно зло бросил:

— Это тот мужик по имени Бай Сяо не разрешал тебе видаться со мной?!

Бай Ляньхуа говорил с абсолютной уверенностью: к Бай Сяо он не испытывал ни малейших сыновних чувств, питая к нему лишь глубокую ненависть за то, что тот отнимает внимание Бай Чжаныцзи.

Мысленно вздохнув, Бай Сяо, насколько же ты никкумный отец?!

Жуань Мяньмянь присел на краешек кровати и мягко притянул Бай Ляньхуа к себе, ласково уговаривая:

— Тебе следует называть его отцом.

Хотя Жуань Мяньмянь не знал, есть ли в поместье Клана Бай те самые скрытые камеры наблюдения, в подобной семье всё же стоило соблюдать осторожность.

— Нет у меня такого отца!

Если существование отца мешает ему видаться со старшим братом, он предпочёл бы собственными руками покончить с этим созданием. В душе Бай Ляньхуа полностью отсутствовали морально-этические нормы; он знал лишь одно: то, что ему нужно, должно быть крепко зажато в его руках, ведь только то, что он смог удержать, принадлежит ему. Точно так же, как в детстве: та ворона, что садилась на его подоконник и каждый день скрашивала его одиночество, пока в один прекрасный день он не сжал птицу в ладони до хруста, лишив её жизни. Лишь глядя на её искалеченное, изогнутое в агонии тело, он обретал покой — теперь эта птичка будет оставаться с ним вечно. Но он вовсе не хотел, чтобы старший брат стал холодным и неподвижным, он хотел изо дня в день видеть его улыбку. Ради этого он пойдет на всё.

Жуань Мяньмянь замолчал. Бай Сяо сам навлек на себя беду, и помогать налаживать их отцовско-сыновние отношения он вовсе не собирался.

Возможно, не вынеся молчания Жуань Мяньмяня, Бай Ляньхуа, в голосе которого проскользнула пугливая нотка, крепко обхватил его за талию, словно пытаясь буквально вплавиться в его тело, и сквозь слёзы выговорил с заложенным носом:

— Брат... ты сегодня пришёл побыть со мной?

Стоило Жуань Мяньмяню коснуться лица Бай Ляньхуа, как пальцы тут же ощутили сплошные слёзы.

Как сильно этот ребёнок боялся всего последние несколько месяцев?

Только он собрался ответить, как из коридора донёсся шум. Несмотря на то, что голоса звучали тихо, в слишком уж тихом внутреннем дворе Жуань Мяньмянь всё равно отчетливо расслышал:

— Большой молодой господин внутри?

— Врач уже пришёл, но большого молодого господина нигде не было.

Он не знал, нарочно ли люди снаружи добивались того, чтобы они вышли, но никто не торопил Жуань Мяньмяня и никто не обмолвился ни словом о Бай Сяо — однако у Жуань Мяньмяня всё равно возникло отчетливое ощущение, что его ждёт именно Бай Сяо.

Словно почувствовав угрозу, Бай Ляньхуа вцепился в сидящего перед ним человека с удвоенной силой и никак не хотел отпускать. Мёртвая хватка взрослого мужчины заставила Жуань Мяньмяня поморщиться, но он не стал вырываться — его руки и так, должно быть, покрылись синяками! К тому же спина, пусть в ней и онемела часть нервов, всё равно адски болела!!

Жуань Мяньмянь изо всех сил сдерживался, чтобы не выдохнуть стон боли.

Под таким углом, где Жуань Мяньмянь не мог его видеть, во взгляде Бай Ляньхуа постепенно зашевелилось безумное искажение, и в скрытой от света тени проступило жуткое, свирепое выражение лица.

На самом деле в этот раз Жуань Мяньмянь действительно напрасно обвинял Бай Сяо. Семейный доктор прибыл, чтобы заняться лечением самого Бай Сяо, но глава семейства неожиданно взмахнул рукой и велел сперва осмотреть спину Бай Чжаньцзи, из-за чего и разыгралась вся эта сцена.

Два домашних врача в испуге стояли неподалеку от кресла Бай Сяо. Их вызвали в суматохе, словно на пожар, однако ни один из пациентов сотрудничать с ними не собирался. Врачам

вообще тяжело приходится, а работать лекарями в Клане Бай — тем более.

Глава Клана Бай сидел, казалось, совершенно не заботясь о собственном теле, полностью сосредоточившись на старшем сыне. Было совершенно непонятно, что творится в голове у этих двоих — их отношения вовсе не казались такими ледяными, как судачили за глаза.

Бай Сяо постукивал одним пальцем по столешнице, и этот мерный звук будто отдавался в самых сокровенных глубинах души. Услышав, что старший молодой господин находится у второго, Бай Сяо не выказал на лице никаких эмоций — то ли обрадовавшись, то ли разгневавшись, но его глаза потемнели, словно в них опрокинули палитру с красками, становясь всё мрачнее и глубже.

Разве братская любовь и согласие — это плохо? Раз старший так заботится о младшем, отец по идее должен радоваться, разве нет?

Среди этих богачей не было ни одного простого человека. Врачи опустили головы еще ниже: они здесь просто зарабатывают на хлеб, а главное правило этой работы — то, что услышал, сделай вид, будто пропустил мимо ушей, а то, что увидел, сочти за небытие.

Время шло секунда за секундой, и из тишины коридора бесшумно вынырнул высокий темнокожий мужчина, заговорив на безупречном путунхуа:

— Хозяин, молодой хозяин прибыл. Эта ночь была обречена стать бессонной. У частного причала города А стоял гигантский лайнер, и суесящиеся туда-сюда рабочие завершали последние приготовления к грандиозной свадьбе.

Во всём мире найдётся лишь горстка людей, способных позволить себе столь роскошный лайнер. И как назло, владельцем этого судна был один из них — Юй Чиян, известный как «азиатский король судов», он же главный герой сегодняшнего пышного свадебного пиршества.

Под небом, похожим на бархатно-чёрную ткань, на ветру развевались розовые ленты, в воздухе парили воздушные шары, а осыпавшиеся лепестки кружились над самой гладью моря.

На палубе по-прежнему царило великолепие: в толпе сновали официанты, предлагая изысканные вина собравшимся здесь на короткий отдых богачам и аристократам. После гудка корабля судно медленно отошло от порта, возвещая о начале этого роскошного праздника. Белые и розовые праздничные хлопучки взмывали в воздух, описывая изящные дуги, и эта роскошная ночь превратилась в ослепительное сияние.

Глядя на безмятежную гладь моря вдаль, невольно казалось, будто всё, что туда попадет, неминуемо будет затянута в водоворот.

Шань Чжайхо был молодым господином из элитного клуба города А, известным под прозвищем Шаньшань. Он тоже находился на этом гигантском лайнере. Едва выйдя наружу, чтобы

подышать свежим воздухом, он был привлечен стоявленным у носовой части корабля мужчиной потрясающей осанки, который опирался на перила. Лицо этого незнакомца было так невероятно похоже на его собственное.

Шаньшань принадлежал к числу тех людей, которые никогда не станут знаменитыми, главным образом потому, что его лицо было донельзя заурядным. И «заурядное» — это еще мягко сказано: если присмотреться к его чертам по отдельности, ничего страшного не было, но стоило им соединиться вместе, как во всем облике начинала проступать какая-то угрюмая мрачность, как ни посмотри. К счастью, кожа у него была превосходной, и полгода назад его совершенно неожиданно присмотрел и взял под крыло И-тайцзы, всегда отличавшийся презрительным высокомерием ко всем подряд.

Коллеги по цеху одновременно завидовали этому и совершенно не могли взять в толк, как такое возможно. И-тайцзы был редким, по-настоящему щедрым покровителем, у которого к тому же не было дурных привычек, да к тому же он был молод и успешен. Никто и подумать не мог, что выбор падет на столь неказистого типа, и это повергло всех в шок.

За прошедшие полгода совместной жизни его слишком сильно баловали, так что было неизбежно, что он возмечтал о том, что ему не принадлежало. Да и характер его утратил прежнюю пугливую, сменившись даже некоторой заносчивостью и надменностью, однако И-тайцзы вовсе не пытался его осаждать и даже во многом потакал. Непонятно почему, но сегодня И-тайцзы, который никогда раньше не брал его с собой в свет, вдруг словно переменялся в характере и привел его сюда, но при этом бросил одного скучать внутри за выпивкой. Постоянно глядя на это лицо, которое в любой момент могло взорваться, Даньдань всё же решил выйти наружу. Кто бы мог подумать, что он сразу же столкнется с этим человеком! Между ним и тем парнем было нечто общее: они казались немного похожими. Трудно было сказать, внешность ли это или та же самая угрюмая аура. Тот человек был одет довольно скромно, совсем не по-хищному, как остальные молодые господа из богатых семей. Неужели... у него тот же статус, что и у него самого? Точно, иначе с чего бы ему находиться здесь в одиночестве? Даньдань укрепился в своей догадке.

Дан Чжайхо совершенно забыл, что, кроме И Пиньго, кто еще мог обладать столь странным вкусом, чтобы обратить внимание на молодого господина с такой внешностью?

Поборов первоначальный страх перед подавляющей аурой незнакомца, он презрительно направился к нему.

Жуань Мянмянь почувствовал на себе чей-то взгляд с самого начала, но сегодня ему было лень шевелиться. Боль в спине лишь временно онемела, так что он предпочитал экономить силы везде, где это было возможно. На самом деле те, кто разбирался в одежде, сразу бы поняли, что этот наряд сшит на заказ, но сегодня он пришел сюда с Бай Сяо ради выполнения задания, поэтому главной целью было смешаться с толпой, придерживаясь принципа незаметности.

Чем ближе подходил Дан Чжайхо, тем сильнее ощущал незаурядность этого человека. Его прямая спина напоминала осанку военного (инстинкт, привитый кланом Бай с самого детства),

а каждое движение, хоть и казалось небрежным, было исполнено особого вкуса (дважды перенесенное вселение стало качественным скачком). Этот человек, как и он сам, носил на лице ту же угрюмость, но почему же он обладал столь неповторимым темпераментом? Даже в таком простом наряде его можно было выделить из толпы с первого же взгляда. Высокомерный и гордый Дан Чжайхо почувствовал укол зависти и выпалил первое, что пришло в голову:

— Какое у тебя прозвище в качестве продажного мальчишки?

Такой вопрос среди незнакомцев считался крайне грубым — не зная даже имени собеседника, он сразу же перешел к оскорблениям.

Жуань Мяньмянь, опершись руками о перила, смотрел вдаль. Морской ветер растрепал его пряди, но он даже не пытался убрать волосы, летевшие в глаза, и даже не поднял головы. На его лице застыло ленивое выражение, а сосредоточенный взгляд заставлял ошибочно принимать его за скрывающийся в глазах легкий смехок.

Видя, что Жуань Мяньмянь с таким высокомерием полностью игнорирует его, Дан Чжайхо вскипел — в нем проснулся собственнический инстинкт, заставляющий яростно защищать свои границы при малейшем признаке неуважения.

— Меня вообще-то привел сюда наследник клана И! Назови мне свое имя, и если я буду в хорошем настроении, возможно, смогу тебе помочь!

— ...

— Эй, да ты просто невероятно заносчив! Почему ты вообще не обращаешь на людей внимания?!

— Каким вообще образом ты сюда пробрался?

Видя, что что бы он ни говорил, собеседник даже не утруждает себя ответом, Дан Чжайхо стал выражаться всё более отвратительно. Он был уверен, что перед ним не кто-то важный — этот навык пронизательности он оттачивал годами. Любой человек, имеющий хоть какой-то статус и положение, никогда бы не стерпел подобных речей в свой адрес. Вот только он не знал, что стоявший перед ним бывший избалованный мажор теперь был совсем не тем противником, с которым можно шутить. Ты, хочешь, чтобы я на что ответил? — Взгляд Жуань Мяньмянь был столь острым, что почти пригвоздил собеседника к месту. В этих глазах не было ни капли тепла — казалось, ей совершенно всё равно, жив человек перед ней или мертв.

В этот момент сердце Шань Чжайхо, казалось, едва не остановилось. Хоть она и не совершала никаких движений, он интуитивно чувствовал: еще слово грубости — и он станет трупом.

Заметив, что запугала его, мастерски скопировав манеру поведения хладнокровного убийцы, Жуань Мяньмянь внутренне торжествовала, однако снаружи продолжала удерживать ледяное и свирепое выражение лица, контролируя каждую мышцу до малейшего нерва.

Внезапно до них донесся легкий шум, приближающийся из недалеких прерий.

Приглашенных купцов и знатных особ здесь было так много, что это не вызвало особого переполоха — все просто подумали, что очередная компашка мажоров снова вылезла порезвиться на волю.

Эй, старший молодой мастер Бай, мы тут с парнями ломали голову, как это ты уединился в одиночку? Неужели бросил нас ради свидания с красоткой?

Вслед за этим шутливым голосом вокруг раздались сдержанные смешки — среди гостей были как мужчины, так и женщины. Жуань Мяньмянь бросила беглый взгляд и поняла, что все они — старые знакомые: завсегдатаи тусовок из числа избалованной золотой молодежи в сопровождении нескольких благородных девиц. Единственным, у кого было откровенно мрачное лицо, оказался И Пиньго.

М? А это личико кажется мне смутно знакомым!

Точно, это же тот самый...

Некоторые из присутствующих водились с И Пиньго и пару раз видели Шань Чжайхо. Но поскольку на приемах старшего молодого мастера Бая молодой господин И никогда не брал с собой ни мужчин, ни женщин, они тут же принялись припоминать подробности и набросились на И Пиньго с расспросами. Что тут вообще происходит? Не слишком ли далеко зашел наследник И, раз притащил на корабль даже свою игрушку?

И без того стыдившийся смотреть в глаза Жуань Мяньмянь, он забился в угол и пил вино. Однако присутствовать на этом свадебном банете было нужно обязательно: его собственный дед был занят по военной части и пока не мог заниматься подобными мелочами, да и его собственные дневные домогательства по отношению к Жуань Мяньмянь пока еще не дошли до полиции. Как представитель главы клана И он был обязан явиться, но непутевые приятели выследили его и силой притащили сюда, к Жуань Мяньмянь.

Он и сам не понимал, какая муха его укусила: увидев жалкое, жалостливое личико Шань Чжайхо, он вдруг вспомнил о Жуань Мяньмянь, его сердце внезапно смягчилось, и он вот так, помутившись рассудком, привел парня наверх.

Он никак не ожидал, что эта купленная на скорую руку игрушка посмеет выказать презрение самому важному для него человеку. И пусть они стояли далеко, и он не слышал их слов, одного этого зрелища хватило, чтобы в И Пиньго вскипела вся накопившаяся злость. Жуань Мяньмянь холодно усмехнулась, и её смех, подобно острому клинку, вонзился в него так глубоко, что тому стало некуда деться от стыда.

— Приструни своих людей, не выпускай их на улицу, чтобы они не бросались на всех подряд.

Жуань Мяньмянь направилась к ним, её губы были сжаты в тонкую линию, а во взгляде читались разочарование и холодность — от этого взгляда у И Пиньго пропала даже смелость встретиться с ней глазами.

— Иначе я не постесняюсь проучить их за тебя.

Эту тихо произнесённую фразу она прошептала прямо возле И Пиньго, так что никто больше её не услышал. Тем не менее все присутствующие проводили молчаливыми взглядами Жуань Мяньмянь, которая сегодня так внезапно превратилась в свирепого суперсаяна. И лишь когда она отошла далеко, до них дошла одна мысль: неужели этот парень всё это время притворялся слабаком? Его совершенно не волбовали прозвища вроде избалованного мажора или

безнадёжного дурня, он просто водил всех за нос — включая их собственную компанию друзей с детства!

Впрочем, другого разумного объяснения и впрямь не существовало. Никому ведь не приходили в голову ненаучные концепции вроде переселения душ или возрождения в чужом теле — никто даже мысли такой не допускал.

— Ва-а... Ваше Высочество... К-клянусь, я понятия не имел, что он — ваш друг... — Заметив направленный на него взгляд наследного принца, Шань Чжайхо едва не лишился чувств от страха.

Теперь-то он сообразил, что связался с тем, с кем не следовало, и смутно догадывался: скорее всего, он просто оказался пешкой. Наследный принц не смог заполучить главного человека, вот и выместил всю злость на нём.

— Разбирайся сам, — бросил И Пиньго.

Сейчас на столь пышной свадьбе было совсем некстати устраивать скандалы, и на сей раз у И Пиньго всё же хватило благоразумия.

— Я... — Шань Чжайхо огляделся, но вокруг не нашлось ни единого человека, готового ему помочь. Остальные мажоры лишь ухмылялись, предвкушая зрелище. Из-за огромных размеров палубы происходящего здесь толком никто и не заметил.

Он обернулся к уже набиравшему ход круизному лайнеру: внизу с брызгами пенилась тёмно-синяя морская вода, казавшаяся орудием невидимой казни. У него попросту не хватало мужества сигануть вниз.

— К-корабль... уже отплыл...

— Впрочем, я не против и лично помочь тебе оказаться за бортом... — И Пиньго впервые за день улыбнулся, но от этой холодной улыбки резало глаза.

Бай Сяо в угольно-чёрном танском костюме шёл по совершенно пустынному коридору. Это была самая верхняя палуба круизного лайнера, куда, кроме владельца судна и невесты, чья свадьба вот-вот должна была состояться, никто и никогда не ступал. Доносившиеся снизу веселье и смех казались здесь наглухо отгороженными.

Бай Сяо тронула насмешливая улыбка. Он повернул дверную ручку под золото и лёгким взмахом швырнул в комнату записку, переданную ему слугой. Затем он шагнул вперёд и придавил листок ногой к полу, а в глубине его непостижимых глаз скрывались непостижимые, бездонные чувства.

<http://bllate.org/book/20974/2129091>